

Элизабет Ли

Записки защитника

Элизабет Ли

Записки защитника

«Автор»

2026

Ли Э.

Записки защитника / Э. Ли — «Автор», 2026

Москва, 1998 год. Кризис, дефолт, бандитские разборки и передел собственности. Татьяна Морозова - единственная женщина-адвокат на Тверской, которая не боится браться за самые безнадежные дела. Когда к ней приходит перепуганная дворянка с фарфоровой куклой, Таня и представить не может, что это лишь первый шаг в паутине, растянувшейся на сто лет. Куклы, которые говорят. Голоса, которые исчезают. Документы, которые могут стоять жизни. Каждая новая клиентка - загадка. Каждое дело - часть большого заговора. И у неё есть всего несколько дней, чтобы связать воедино фарфор, землю, сны и голоса, прежде чем 24 ноября часы пробьют полночь. «Записки адвоката» - это остросюжетный детектив о женщине, которая ищет правду в мире, где правда стоит дороже денег.

© Ли Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фарфоровая кукла	5
Глава 2. Немое дело	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Элизабет Ли

Записки защитника

Глава 1. Фарфоровая кукла

Москва. Ноябрь 1998 год. День был дождливым. Я сидела у себя в кабинете. Пила кофе.

Стук в дверь. Моя секретарша Вера выглядывает из угла

- Татьяна Сергеевна, к вам женщина. Говорит, срочное дело

- Пусть входит

В кабинет входит женщина лет сорока пяти. Дешёвое пальто с чужого плеча, лицо серое как декабрьское небо. Она садится на стул и долго молчит. Я не тороплю — знаю: если человек пришёл, он заговорит сам.

- Меня зовут Маргарита Степановна Рябина, - наконец выдавливая она. - Я последняя из рода Рябинных. И меня хотят убить.

Я ставлю чашку на стол. Смотрю на неё в упор.

- Кто?

- Не знаю. Всё началось, когда умерла моя бабушка. Она оставила мне квартиру и коллекцию фарфора. В одной из кукол были спрятаны документы

Я поднимаю бровь.

- Какие документы?

Она достаёт из портфеля папку. Я беру её в руки и открываю. Внутри — доверенность на землю в Подмосковье. И приписка: «В вечное пользование роду Рябининых».

Я верчу бумагу в руках, проверяю подписи, печати. Опыт подсказывает: вещь настоящая. В 1998 году такие бумаги стоят десятки миллионов долларов.

- Допустим, - говорю я. - Но при чём тут убийство?

- Четыре дня назад кукла исчезла. А вчера мне пришёл факс.

Она протягивает мне лист бумаги. Я читаю:

«Верни голос куклы, или твой голос замолчит навсегда. 24.11.98».

Я кладу факс на стол. В голове прокручиваю варианты. От шантажа до бандитов, которые уже перекрыли этот бизнес? 98-й год - время, когда земля в Подмосковье стала золотом. И за неё убивали.

-Маргарита Степановна, - говорю я спокойно, - давайте по порядку. Что вы знаете об этой кукле?

- Это фарфоровая кукла. Голубые глаза, розовое платье, на шее - брошь с изумрудом. Она стояла у бабушки в серванте. Я помню её с детства. И я помню, что она... разговаривала.

- Разговаривала? — переспрашиваю я.

- Когда я оставалась у бабушки, мне казалось, что она говорит. Бабушка говорила: «Она хранит тайны, Марго. Никому не рассказывай о ней».

Мистика. В моей практике было всё: поддельные завещания, кражи акций, даже дело о контрабанде икон. Но разговаривающие куклы — это, что-то новенькое.

- Маргарита Степановна, - говорю я максимально мягко, - я адвокат, а не экстрасенс. Документы я могу проверить, могу подать запрос в архив, могу составить иск о признании права собственности. Но кукла... — я развожу руками, — это вещественное доказательство, не больше.

Тут в дверь стучат. Вера просовывает голову:

- Татьяна Сергеевна, тут к вам пришли. Говорят, срочно, по поводу фарфоровой коллекции.

- Сидите здесь, - говорю я. – Вера, никого не впускай без меня.

Я выхожу в коридор. Там стоит невысокий седой мужчина в старомодном костюме. В руках — картонная коробка.

- Татьяна Сергеевна? – он слегка кланяется. - Меня зовут Аркадий Львович. Я антиквар. Слышал, к вам обратилась женщина. Я принёс ей кое-что.

Он открывает коробку. На красном бархате лежит кукла. Фарфор, голубые глаза, на шее — брошь с изумрудом. Точно, как описывала клиентка.

- Где вы её взяли? - спрашиваю я.

- Она была у коллекционера, - спокойно отвечает он. - Он купил её на чёрном рынке два дня назад. Но мы её вернули.

- Зачем?

— Потому что без хозяйки она не молчит. Она подсказывает, где правда. А правда в том, что земля эта давно застроена. И там стоит торговый центр, который принадлежит одному очень влиятельному человеку. Если Маргарита Степановна поднимет документы, он потеряет миллионы. Он уже отправил людей. У вас есть неделя.

Он разворачивается и уходит, оставляя коробку у моих ног.

Я возвращаюсь в кабинет. Клиентка смотрит на куклу с ужасом и надеждой.

- Она настоящая, — шепчет она.

Я сажусь за стол, беру пачку «Винстона», закуриваю прямо при ней. Смотрю на факс, на доверенность, на куклу.

- Маргарита Степановна, - говорю я, выпуская дым в потолок, - давайте сразу договоримся. Я работаю за гонорар. Я не работаю за «спасибо» и не работаю за веру в чудеса. Если вы хотите выиграть -- вы делаете всё, что я скажу. Никакой самодеятельности. Вы поняли?

Она кивает, глотая слёзы.

- Тогда слушайте. Первое - я проверяю подлинность документов. Второе - я подаю заявление в прокуратуру об угрозах. Третье - я выясняю, кто купил куклу, и кто владеет тем торговым центром. Четвёртое - вы не выходите из дома без сопровождения. Вера, - кричу я в коридор, - найди мне охранника! Дёшево, но, чтобы с лицензией.

Я открываю блокнот и записываю:

«Дело 15. Рябина М.С. Фарфоровая кукла - вещдок. Угрозы. Первый шаг - антиквар Аркадий Львович. Второй - архив. Третий - прокуратура»

Маргарина Степановна смотрит на меня, как на спасительницу. Я же смотрю на куклу. В полумраке кабинета мне кажется, что её фарфоровые губы шевелятся. Глупость. Нервы.

Когда она уходит, я остаюсь одна. Закрываю дверь, пью остывший кофе, смотрю в окно. На улице – до сих пор идёт дождь.

Но в кармане моего жакета я нахожу маленький голубой стеклянный шарик. Я не помню, чтобы он там был. И он холодный, будто его только что держали на морозе.

Я кладу его на стол, рядом с куклой. И пишу в блокноте, уже для себя:

«Найти того, кто прячется за стеклянными глазами. И не дать ему запугать женщину».

За окном кто-то сигналил. Я допиваю кофе и набираю номер Павла Анатольевича - следователя прокуратуры. Трубку поднимают после второго гудка.

- Палыч, - говорю я, - у меня дело. Фарфор, земля, угрозы. Нужна справка на владельца торгового центра на Юго-Западе. И ещё - проверь одного антиквара. Аркадий Львович. Что-то он слишком быстро нашёл куклу.

- Тань, - говорит Палыч с того конца провода, - ты опять вляпалась?

- А когда я не вляпывалась? - усмехаюсь я.

Я кладу трубку и смотрю на куклу. Она молчит. Но мне почему-то кажется, что она ждёт. Как и я - следующего хода.

Я забираю куклу домой - оставлять её в офисе одной глупо. Маргарита Степановна уехала с охранником. А я сижу на кухне своей однокомнатной квартиры в Останкино, пью чай и смотрю на фарфоровое лицо. Половина двенадцатого ночи. За стеной соседи смотрят «Улицы разбитых фонарей».

Я тушу свет и ложусь спать. И мне снится старая московская квартира, сервант с фарфором, и кукла, которая открывает рот и произносит моё имя.

Три дня спустя я сижу в кабинете и смотрю на стопку бумаг. Архивная выписка о праве собственности на землю, датированная 1915 годом. Справка из БТИ о том, что торговый центр на этом участке построен с нарушениями. Заявление в прокуратуру об угрозах. И ответ от владельца ТЦ - некоего Тимура Давыдовича Копейкина, который через своего адвоката прислал мне письмо с предложением «урегулировать вопрос мирно».

«Мирно» на языке 1998 года означало: «забери деньги и забудь».

Я набрала номер Маргариты Степановны.

- Маргарита Степановна, - сказала я, затягиваясь сигаретой, у меня для вас две новости. Хорошая и плохая. Хорошая: документы подлинные. Суд признает ваше право на землю. Плохая: если вы пойдёте до конца, Копейкин потеряет миллионы. Он не отступится.

- Я знаю, - тихо ответила она. - Бабушка говорила, что за эту землю убивали. Я готова.

- Тогда слушайте план. Мы не идём в суд сразу. Мы сначала подаём жалобу в прокуратуру на угрозы. Потом - иск о признании права собственности. Параллельно я подключаю прессу.

- А кукла? - спросила она с надеждой.

- Кукла - вещественное доказательство. Я оставляю её у себя в сейфе до суда.

Она согласилась. Через неделю прокуратура возбудила дело по статье «угроза убийством». Копейкин, неожиданно, пошёл на попятную. Его адвокат позвонил мне и предложил мировое соглашение: А Маргарита Степановна получает денежную компенсацию и официальное признание права на землю, а ТЦ будет перестроен с учётом её доли.

Я продиктовала условия. Маргарита Степановна подписала. Дело было закрыто.

Но в тот же вечер, когда я забирала куклу из сейфа, чтобы вернуть хозяйке, я заметила нечто странное. На шее куклы висела брошь с изумрудом. Я помнила её - она была на всех фотографиях, которые мне показывала Маргарита. Но сейчас поднесла лупу и увидела: изумруд был вставлен в новую оправу. Слишком новую для куклы 1910-х годов.

Я перевернула брошь. На обратной стороне была выгравирована дата: 24.11.98. Та же, что стояла в факсе-угрозе.

И ещё одна надпись, мелкая, почти невидимая: «Следующий - голос».

Я замерла. «Следующий — голос». Это не было совпадением. Кто-то играл со мной. Или с Маргаритой. Или со мной и Маргаритой одновременно.

Я убрала куклу обратно в сейф. И написала в блокноте:

«Брошь подменили. Кто? Аркадий Львович? Копейкин? Выяснить».

В ту же ночь мне позвонила Вера.

- Татьяна Сергеевна, - сказала она срывающимся голосом, - тут к вам записалась женщина. Говорит, её муж пропал три дня назад. А она сама... она не может говорить. Совсем. Пишет записки. Она просила передать, что знает про куклу. Про голубые глаза.

Я закрыла глаза. Картина начинала складываться.

- Запиши её на завтра, - сказала я. - На десять утра.

- Уже записала, — ответила Вера и положила трубку.

Я посмотрела на сейф. Кукла молчала. Но я знала: скоро она заговорит. Через ту женщину, у которой украли голос.

Глава 2. Немое дело

На следующий день в десять утра в моём кабинете сидела женщина лет тридцати. Худое лицо, запавшие глаза, в руках - блокнот и ручка. Она протянула мне лист бумаги, на котором было написано дрожащим почерком:

«Меня зовут Ольга Петровна. Я челнок. Мой муж Сергей пропал три дня назад. А я не могу говорить. Врачи говорят - психосоматика. Но я знаю, что это они. Они забрали мой голос, потому что я видела куклу».

Я подняла глаза. Она смотрела на меня с ужасом и надеждой.

- Ольга Петровна, - сказала я медленно, - вы видели куклу? Какую?

Она быстро застрочила в блокноте:

«Такую же, как у Маргариты Степановны. Голубые глаза. Брошь с изумрудом. Я перевозила её через границу две недели назад. Я не знала, что она краденая. А потом муж пропал, и я перестала говорить. Я хочу вернуть голос и найти мужа».

Я откинулась на спинку стула. Теперь всё вставало на свои места.

- Кто вам дал куклу? - спросила я.

Она написала одно слово: «Антиквар».

- Аркадий Львович?

Она кивнула.

Я взяла её за руку:

- Ольга Петровна, слушайте меня внимательно. Я возьму ваше дело. Я найду вашего мужа и верну вам голос. Но для этого вы должны рассказать мне всё. Абсолютно всё. Где вы взяли куклу, кому передали, какие ещё вещи перевозили. Поняли?

Она закивала и снова взялась за ручку.

«Он сказал, что кукла - часть большой коллекции. Что она переходит из рук в руки уже сто лет. И что у неё есть сестра. Такая же, но с другим изумрудом. Он сказал, что если я расскажу кому-то, я потеряю не только голос, но и жизнь».

Я прочитала это и почувствовала, как холодок пробегает по спине. Сестра куклы. Два изумруда. Две доверенности? Две земли? Или два голоса?

Я взяла телефонную трубку и набрала номер Павла Анатольевича.

- Палыч, - сказала я, - у меня новое дело. Челнок перевозила куклу через границу. Та же самая кукла из первого дела. Её муж пропал, она потеряла голос. Проверь Аркадия Львовича по всем базам. Мне нужно знать, кто он на самом деле.

- Таня, - сказал Палыч, - ты уверена, что хочешь копать глубже? Первое дело закрыто. Копейкин заплатил компенсацию. Все довольны.

- Я не довольна, - ответила я. - Потому что на кукле подменили брошь. И там стояла дата - 24 ноября. Это завтра. Что-то случится завтра. И я должна знать, что.

Палыч вздохнул:

- Ладно. Я проверю. Но Таня... будь осторожна.

- Всегда, - сказала я и положила трубку.

Посмотрела на Ольгу. Она сидела тихо, сжимая блокнот в руках.

- Ольга Петровна, - сказала я, - вы поедете со мной в одно место. Прямо сейчас.

Она написала: «Куда?»

- К Аркадию Львовичу. В антикварный магазин. Я хочу посмотреть ему в глаза и спросить, почему он врёт.

Аркадий Львович стоял за прилавком и рассматривал старинную брошь.

- Татьяна Сергеевна, - сказал он, не поднимая глаз, - я знал, что вы придёте.

- Тогда объясните мне, - сказала я, положив руки на прилавок, - почему вы дали куклу челноку, чтобы она перевезла её через границу? И почему вы подменили брошь?

Он поднял глаза. В них не было страха. Была усталость.

- Потому что кукла - не просто кукла, - сказал он. - Это ключ. Брошь с изумрудом - это не украшение. Это карта. Внутри неё спрятан микрофильм с копиями документов на всю землю, которую Копейкин скупал 20 лет. Я подменил брошь, чтобы сохранить оригинал. А челнок... - он вздохнул, - челнок должен был передать куклу в Берлин. Там живёт человек, который может расшифровать микрофильм.

- И где теперь ваш человек? - спросила я.

- Он исчез, - тихо сказал Аркадий Львович. - Как и муж Ольги. Их забрали. И если мы не найдём их до завтрашнего вечера, 24 ноября, они умрут. А вместе с ними исчезнут документы на землю. И тогда Копейкин станет единственным владельцем всей этой земли.

Я повернулась к Ольге. Она стояла, прижимая блокнот к груди.

- Ольга, вы знали, что везёте микрофильм?

Она покачала головой. И заплакала.

Я посмотрела на часы. Было 23 ноября, вечер. До 24 оставалось меньше суток.

- Аркадий Львович, - сказала я, - вы поедете со мной. Мы едем в прокуратуру. И вы расскажете всё, что знаете. О микрофильме, о Копейкине, о документах. Вы поняли?

Он кивнул.

- Я понял. Но предупреждаю: у Копейкина люди. И они уже знают, что мы встретились. Нас могут не выпустить из магазина.

Я услышала, как за дверью затормозила машина. Три хлопка. И тишина.

- Поздно, - сказал Аркадий Львович. - Они здесь.

Я выхватила из сумочки мобильник. Набрала единственный номер, который мог спасти.

- Палыч, - прошептала я, - на Арбате, антикварный магазин. Срочно. У них оружие.

В трубке раздались гудки. А в дверь уже стучали. Громко, настойчиво, по-хозяйски.

Я посмотрела на Ольгу. Она взяла меня за руку. И я вдруг почувствовала, что этот немой голос самый громкий звук в моей жизни.

- Держитесь. Мы справимся.

Дверь открылась. И в магазин вошли трое мужчин с лицами, которые не обещают ничего хорошего.

Первый – широкоплечий и с короткой стрижкой. Второй - худой, с нервным взглядом, держал руку в кармане куртки. Третий, старший, в дорогом кожаном пальто, остановился на пороге и окинул нас медленным, цепким взглядом.

- Аркадий Львович, - сказал старший с лёгкой, почти вежливой улыбкой. - Давид Тимурович передаёт привет. Говорит, вы забыли отдать ему кое-что. Из коллекции.

Я шагнула вперёд, заслоня собой Ольгу. Она сжала мою руку так сильно, что побелели костяшки.

- Это частный разговор, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Мы с Аркадием Львовичем обсуждаем судебный иск. Вы можете подождать на улице.

Старший перевёл на меня взгляд. В глазах у него была та пустая, холодная уверенность, которая появляется у людей, привыкших решать вопросы не в судах.

- А вы, видимо, та самая адвокатесса, - сказал он. - Наслышан. Давид Тимурович, кстати, недоволен. Он предложил Рябиной хорошие деньги, а она всё равно пошла в суд. И вы ей помогли.

- Это называется «работа», - ответила я. - Если ваш босс хочет оспорить сделку, мой телефон ему известен. А сейчас прошу покинуть помещение.

Старший засмеялся. Но в смехе не было веселья.

- Вы не поняли, Татьяна Сергеевна. Аркадий Львович должен нам одну вещь. Брошь. С изумрудом. Мы знаем, что она у него. Это не ваши проблемы. Отдайте брошь, и мы уйдём.

Я посмотрела на Аркадия Львовича. Он стоял бледный, но не дрожал. В его глазах промелькнуло что-то похожее на решимость.

- Брошь не у меня, - сказал он. - Я отдал её человеку, который должен был вывезти её в Берлин. Но он исчез. Как и муж этой женщины. - он кивнул на Ольгу. - Ваши люди забрали их. Так что брошь у вас. Вы просто не знаете, где.

Старший нахмурился. Впервые на его лице промелькнуло сомнение.

- Что значит «не знаем»? Мы не забирали никакого челнока. Нам нужны были документы, а не люди.

- Тогда кто их забрал? - спросила я.

В этот момент в кармане моего жакета завибрировал мобильник. Я вытащила его - экран светился, на дисплее высветилось: «Павел Анатольевич».

Я нажала кнопку приёма, не сводя глаз с троих.

- Таня, - голос Палыча звучал напряжённо, - ты где?

- В антикварном магазине на Арбате. Тут гости от Копейкина. Палыч, быстро, нужна помощь.

- Слушай меня внимательно, - сказал он. - Я проверил Аркадия Львовича по базам. Его нет. Вообще. Ни паспорта, ни ИНН, ни регистрации. Человек с такой фамилией в Москве не существует. Он - личность. Я проверил Копейкина - он числится, но все его документы на землю подделаны. И я проверил мужчину с микрофильмом. Его нашли мёртвым в подмосковном лесу два дня назад.

У меня перехватило дыхание.

- Что значит «мёртвым»?

- Таня, - голос Палыча стал тише, почти шёпотом, - беги оттуда. Этот антиквар не тот, за кого себя выдаёт. Он работает на кого-то третьего. Копейкин здесь ни при чём. Его используют как прикрытие. Убирайся, пока не поздно.

Я посмотрела на Аркадия Львовича. Он смотрел на меня с той же спокойной усталостью, но теперь я заметила в его руке маленький пистолет, который он прятал за прилавком.

- Татьяна Сергеевна, я слышал ваш разговор. Я знаю, что вы теперь догадались. Да, я не Аркадий Львович. Я - сотрудник архива ФСБ, который 20 лет назад занимался делом о фальшивых документах на землю в Подмосковье. Тогда это дело закрыли, потому что было слишком много трупов. Я ушёл из органов и стал антикваром, чтобы отслеживать движение этих документов. Я знаю, кто стоит за всем этим. И это не Копейкин.

- Кто? - выдохнула я.

- Человек, который был нотариусом в 1915 году, - сказал он. — Он не умер. Он переписал себе документы, изменил имя, пережил революцию, войну, перестройку. И теперь он снова здесь. Ему 112 лет, и он владеет половиной Подмосковья через цепочку подставных лиц. Он знает, что кукла - улика. И он хочет её уничтожить.

Старший из троих хрипло рассмеялся:

- Вы несёте чушь, антиквар. Какой ещё нотариус? Ты просто старый сумасшедший.

- Тогда почему вас трое? - спросил Аркадий Львович, и в его голосе появилась стальная нотка. — Почему Давид, который, по вашим словам, послал вас, сам находится в командировке в Лондоне и ничего не знает о вашем визите? Вас послал кто-то другой. Тот самый старик. Который живёт в доме на Тверской, в двух кварталах отсюда.

Я замерла. Тверская. Два квартала. Я каждый день прохожу мимо старого особняка с заколоченными окнами, который стоит уже десять лет без признаков жизни.

- Там никто не живёт, - сказала я. - Там заколочено.

- Живёт, - твёрдо ответил Аркадий Львович. - Просто вход с другой стороны. Через подвал. Он выходит на улицу через магазин «Продукты», который принадлежит ему. Он никогда не выходит наружу. Он отдаёт приказы через людей, как эти трое. А у вас, Татьяна Сергеевна, есть уникальный шанс: вы — единственный человек в Москве, который видел и куклу, и брошь, и документы. Вы можете его остановить. Если выживете.

Он поднял пистолет и направил его на троицу.

- Таня, уходите. Берите Ольгу и бегите через чёрный ход. Я их задержу.

- Вы с ума сошли, - сказала я. - Их трое, у вас один пистолет.

- Я не собираюсь в них стрелять, - улыбнулся он. - Я собираюсь показать им кое-что.

Он нажал кнопку под прилавком. Пол под ногами троицы разъехался в стороны, и они с грохотом провалились в подвал. Крышка захлопнулась с глухим стуком.

Аркадий Львович тяжело выдохнул:

- Это старый сейф. Там они просидят пару часов, пока я не вызову ментов. Бегите. Быстро!

Я схватила Ольгу за руку. Она дрожала, но не сопротивлялась. Мы рванули к чёрному ходу - узкая дверь, заставленная коробками. Аркадий Львович распахнул её и вытолкнул нас в тёмный переулок.

- Идите прямо, не оборачивайтесь. Через два квартала - ваша контора. Там вы в безопасности. Я приду к вам сегодня вечером. И принесу всё, что знаю. О нотариусе, о кукле, о головах. Обещайте, что не полезете в особняк сами!

Я посмотрела на него. Впервые я видела страх в его глазах.

- Обещаю, - сказала я. - Но, если вы не придёте, я пойду туда сама.

- Приду, - сказал он и захлопнул дверь.

Мы с Ольгой побежали по переулку. Сзади раздался звук разбитого стекла, потом - глухой удар. Кто-то вылез через окно магазина. Я не оглядывалась. Я бежала так быстро, как никогда в жизни, держа за руку немую женщину, которая потеряла голос из-за куклы, документов и человека, которому сто лет.

Мы ворвались в подъезд моего офиса через чёрный ход, поднялись на четвёртый этаж, заперли дверь, закрыли все замки. Ольга рухнула на стул и закрыла лицо руками. Я достала блокнот и дрожащей рукой написала:

«Нотариус 1915 года. Живёт в особняке на Тверской. 112 лет. Руководит Копейкиным. Стоит за исчезновением голосов».

Я посмотрела на часы. 23 ноября, 19:30. До роковой даты оставалось 4,5 часа.

Телефон снова завибрировал. Палыч.

- Сергеевна, ты жива?

- Жива, - выдохнула я. - Палыч, слушай. Аркадий Львович - бывший сотрудник ФСБ. Он рассказал, что за всем стоит нотариус из 1917 года. Живой. Старик в особняке на Тверской. Мне нужно, чтобы ты проверил, кто владелец того особняка. И проверь, как звали того нотариуса.

- Таня, - голос Палыча дрогнул, - я уже проверил. Там никто не зарегистрирован. Адрес 25, корпус 2. Но по документам он принадлежит... подожди. Я вижу. Он принадлежит некоему Ивану Ивановичу Иванову. 1886 года рождения.

Я замерла.

- 1886?

- Да. И свидетельство о регистрации выдано в... 1998 году. Три месяца назад. Таня, это невозможно. Человек, которому 112 лет, оформил право собственности в этом году. В его документах стоит паспорт с датой рождения 1888 год. И он прошёл все проверки.

Я положила трубку. Посмотрела на Ольгу. Она написала мне записку:

«Я знаю его. Он заходил в магазин Аркадия Львовича месяц назад. Он выглядел как старый профессор. Он смотрел на меня, и у меня пропал голос. Я не могла говорить три дня. Потом он ушёл, и голос вернулся. А когда он ушёл во второй раз, голос пропал насовсем».

Я сжала записку в руке.

Это был не человек. Это была легенда. Кто-то, кто создал себе личность на 112 лет назад, чтобы владеть документами, которые никто не мог оспорить. Потому что по закону владельцем земли был человек 1915 года рождения, а все его наследники давно умерли. Никто не мог доказать, что он не настоящий.

Но кукла могла.

Я встала. Открыла сейф. Достала куклу. Голубые глаза смотрели на меня в упор.

- Ты всё это знала и знала, кто он. Поэтому ты шептала Рите. Поэтому ты молчишь сейчас.

В этот момент в кукле что-то щёлкнуло. Я услышала внутри едва заметный звук — как тиканье старого часового механизма.

Я перевернула куклу. На её спине была щель. Я поднесла куклу к лампе и увидела: внутри что-то блестит. Я взяла пинцет и осторожно извлекла оттуда маленькую, почти незаметную капсулу. Цилиндр серебристого цвета, с выгравированной надписью:

«28.11.1915. Подлинник. Земля. Владелец: Иван Петров. Нотариус: Иван Петров. Завещание на себя».

Это было завещание. Которое нотариус написал на себя. Сам. В 1915 году. Он передал всю землю себе самому. Легально. И никто не мог это оспорить. Потому что он был и нотариусом, и владельцем, и наследником в одном лице. 100 лет он переоформлял документы, менял паспорта, но оставался тем же человеком.

Я посмотрела на часы: 20:15.

Я должна была найти его до полуночи. Иначе он уничтожит все улики. И тогда кукла, голос Ольги, жизнь Маргариты Степановны - всё окажется бессмысленным.

Я взяла мобильник. Набрала Аркадия Львовича.

- Трубка не отвечает, - сказала я Ольге.

Ольга написала:

«Он не придёт. Они его схватили. Ты должна идти одна. Или со мной».

Я посмотрела на куклу. Затем на неё.

- Ты не пойдёшь, - сказала я. - Ты останешься здесь. С куклой. Если я не вернусь, ты отнесёшь её в прокуратуру и отдашь Палычу. Ты сможешь?

Она кивнула.

Я надела пальто, проверила, есть ли в кармане запасная батарея для мобильного, и взяла ключи.

- Через два часа я позвоню. Если не позвоню - действуй по плану.

Я вышла в ночь. Москва, 23 ноября 1998 года. Дождь. Холод. И старый особняк с заколоченными окнами, который ждал меня на Тверской.

Я шла туда, зная, что, возможно, не вернусь. Но я не умела отступать. И я знала: у меня внутри есть голос, который не заберёт никто.

Особняк на Тверской выглядел заброшенным. Заколоченные окна, облупившаяся штукатурка, ржавая вывеска «Продукты» на первом этаже. Но я знала: за этой маской — вход. Через подвал.

Я обошла здание и нашла неприметную дверь с кодовым замком. Код? Я набрала первую дату, которая пришла в голову: 24.11.98. Замок щёлкнул. Я замерла. Они ждали меня. Знали, что я придю.

Дверь открылась, и я шагнула в темноту. Лестница вниз, запах сырости и старого дерева. На стенах - кафельная плитка, как в советских подвалах. Я спустилась на первый этаж - и

оказалась в роскошной гостиной. Ковры, хрустальные люстры, картины в золочённых рамах. Как будто я перенеслась в 1915 год.

В центре комнаты, в старом кресле, сидел старик. Очень старый. Кожа цвета пергамента, глаза - выцветшие голубые, почти белые. Он держал в руках трость и улыбался.

- Татьяна Сергеевна, - сказал он тихим, скрипучим голосом. - Я вас ждал. Садитесь.

Я не села. Я стояла в дверях и смотрела на него.

- Иван Иванович Иванов? - спросила я. - Или как вас на самом деле зовут?

Он улыбнулся шире. В его улыбке было что-то детское и одновременно чудовищное.

- Меня зовут так, как я выбрал. Но когда-то, очень давно, меня звали Иваном Ивановичем. Я действительно родился в 1886 году. И я действительно был нотариусом в Петербурге. Но моя настоящая фамилия - Морозов.

Я замерла. Морозов.

- Что? - выдохнула я.

- Я - твой прапрадед, Таня, - сказал он. - Твой прапрадед по материнской линии. Твоя мать никогда не знала, потому что я исчез из семьи в 1920-х годах. Я сделал себя бессмертным. Не в прямом смысле - я просто живу, переписывая документы. И я владею тем, что принадлежало нашей семье. Землёй. Особняками. И куклой.

Я чувствовала, как земля уходит из-под ног.

- Зачем вы всё это делаете? - спросила я дрогнувшим голосом. - Зачем вы крадёте голоса, угрожаете людям, убиваете?

- Я не убиваю, - сказал он. - Я сохраняю. Я сохраняю наше наследие. Копейкин - просто пешка. Я использовал его, чтобы скупать землю, которая когда-то принадлежала нам. А голоса... - он замолчал, - голоса я забираю не у людей. Я забираю их у тех, кто знает правду. Чтобы они не могли говорить. Но ты - не такая.

Он поднялся с кресла с неожиданной лёгкостью. Подошёл ко мне почти вплотную. Я видела его глаза — в них не было злобы. Была усталость.

- Я пригласил тебя сюда, - сказал он, - не чтобы убить. Я пригласил тебя, чтобы сказать: вся эта земля, все эти документы - всё это будет твоим. Я стар. Мне 112 лет. Я устал. Я хочу, чтобы ты продолжила моё дело. Ты - адвокат. Ты сможешь защитить наше наследство законным путём. Ты умнее меня.

Я смотрела на него и не верила. Это была ловушка? Или правда?

- Но зачем тогда кукла? - спросила я. - Зачем вы подменили брошь? Зачем вы забрали голос у Ольги?

Он улыбнулся.

- Это была проверка, Таня. Я хотел увидеть, как далеко ты готова зайти ради правды. Ты прошла. Ты пришла сюда одна. Ты не побоялась. Ты - настоящая Морозова.

Он протянул мне руку. На ладони лежала изумрудная брошь.

- Возьми. Это твой ключ. К земле, к деньгам, к власти. Всё это будет твоим. Только скажи, что ты со мной.

Я смотрела на брошь. На его глаза. На люстру. На ковры. И вдруг я поняла.

- Вы знали, что я приду, - сказала я. - Вы знали всё с самого начала Маргарита Степановна, Ольга, Аркадий Львович - все они были пешками в вашей игре. Вы проверяли меня. Вы хотели, чтобы я пришла. Но вы не учли одного.

- Чего же? - спросил он.

- Я адвокат, - сказала я. - Я работаю на клиентов. Я не работаю на преступников. Я не буду соучастником того, что вы делали 100 лет. Я лучше потеряю всё, чем стану вами.

Я выхватила из кармана мобильник и нажала кнопку вызова.

- Палыч? - крикнула я. - Я в особняке! У меня есть доказательства! Он признался!

Старик засмеялся.

- Дорогая, ты думаешь, я не предвидел этого? - Он щёлкнул пальцами. Из соседней комнаты вышли двое - крепкие парни в чёрном. - Ты не уйдёшь отсюда.

Я отступила к двери.

- В этот момент сзади раздался грохот. Дверь в особняк вылетела с петель, и в комнату ворвались люди в камуфляже. Палыч. С ним - человек десять.

- Таня, ты как? - крикнул он, подбегая ко мне.

- Всё нормально, - выдохнула я. - Он - мой прапрадед. И главный преступник.

Палыч посмотрел на старика. Тот стоял с каменным лицом.

- Иван Иванович, вы арестованы, - сказал Палыч. - По обвинению в подлоге документов, угрозах и мошенничестве в особо крупных размерах.

Старик улыбнулся.

- У вас нет доказательств, - сказал он. - Кукла - просто игрушка. Брошь - украшение. А я - больной старик, который живёт в своём доме. Что вы предъявите в суде?

Я вынула из кармана ту самую капсулу, которую нашла в кукле.

- Это, сказала я. - Завещание, которое вы написали на себя в 1915 году. И ещё кое-что.

Я достала из кармана свой блокнот. На последней странице я записала всё, что он сказал мне, пока шло прослушивание.

- Микрофон, - сказала я, показывая на брелок в виде ключа, который висел у меня на шее. - Всё записано. Вы всё рассказали сами. Это - доказательства.

Старик побледнел. Впервые я увидела в его глазах страх.

- Ты... - прошептал он.

- Я адвокат, - сказала я. - Я всегда готовлюсь заранее.

Его увели. Дом опустел. Палыч хлопнул меня по плечу:

- Таня, ты гений.

- Я просто не люблю проигрывать, - сказала я.

Я вышла из особняка. На улице шёл дождь. Я достала сигарету, но руки тряслись слишком сильно. Я не зажгла.

Вернулась в офис. Ольга спала на стуле, прижимая к себе куклу. Я разбудила её.

- Ольга, - сказала я. - Дело закрыто. Вашего мужа нашли. Он жив. Он будет дома сегодня. Ольга смотрела на меня с недоверием.

- А мой голос? - написала она.

- Завтра, - сказала я. - Завтра вы проснётесь и скажете: «Доброе утро». Я обещаю.

Она заплакала. Впервые - со звуком. Слабым, хриплым, но настоящим.

- Спасибо, - прошептала она.

Я обняла её. А потом открыла блокнот и перечитала свои записи. Дело 16 закрыто. Ольга получила голос. Муж жив. Старик арестован. Кукла - вещественное доказательство, которое отправится в архив.

Но я знала: это не конец. В моих записях было больше, чем я показывала Палычу. На последней странице, той, которую я вырвала и спрятала в карман, было написано:

«Старик сказал, что у куклы есть сестра. И что она лежит в фамильном склепе. На кладбище. Под Петербургом. И что она знает правду не о земле, а о чём-то более ценном: о том, почему голоса пропадают на самом деле».

Я сожгла эту страницу на плите и стряхнула пепел. На столе, рядом с блокнотом, лежала фотография. Старая, пожелтевшая. Там стояла девушка, очень похожая на меня. И держала куклу. Точно такую же. Голубые глаза, брошь с изумрудом.

Но подпись на обороте гласила: «Москва, 1922. Татьяна Морозова. Моя бабушка».

Я замерла. Моя бабушка. Таня. Как и я.

Значит, куклы были в семье Морозовых всегда. И старик говорил правду - я была частью этого.

Я взяла телефон и набрала Палыча:

- Палыч, - сказала я, - мне нужно съездить в Петербург. Классифицируйте это как отпуск.

- Таня, ты с ума сошла? У тебя два новых дела.

- Отложи их, - сказала я. - Это важнее.

Я положила трубку и посмотрела на куклу. Она стояла на столе и смотрела на меня голубыми глазами. И я поклялась: я узнаю правду. О своей семье, о голосах, о том, почему я стала адвокатом. И о том, что случилось в 1922 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.